

А. Г. Иценко

*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь, alex_its81@mail.ru*

КОНФУЦИАНСТВО В ИСТОРИКО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ РЕФЛЕКСИЯХ П. Д. ШАНТЕПИ ДЕ ЛЯ СОССЕ

В статье предпринята попытка через призму историко-феноменологического дискурса одного из известнейших европейских религиоведов Пьера Даниэля Шантепи де ля Соссе показать специфику видения и изучения знакового для китайской культуры философско-этического и религиозного учения — конфуцианства. Отмечается, что хоть труд нидерландского учёного и носил исторический характер, имплицитно там присутствовал и феноменологический аспект, а учение Конфуция носило исключительно религиозный характер, хотя в нем и превалировало этическое начало.

Ключевые слова: П. Д. Шантепи де ла Соссе; конфуцианство; феноменология; философия религии; история религии; религиоведение.

A. G. Itsenko

Baranavichy State University, Baranavichy, the Republic of Belarus, alex_its81@mail.ru

CONFUSION IN HISTORICAL AND PHENOMENOLOGICAL REFLECTIONS OF P. D. CHANTEPIE DE LA SAUSSAYE

The article makes an attempt through the prism of historical and phenomenological discourse of one of the most famous European religious scholars Pierre Daniel Chantepie de la Saussaye to show the specifics of the vision and study of the philosophical, ethical and religious doctrine that is significant for Chinese culture — Confucianism. It is noted that although the work of the Dutch scientist was of a historical nature, the phenomenological aspect was implicitly present there, and the teachings of Confucius were exclusively religious in nature, although the ethical principle prevailed in it.

Key words: P. D. Chantepie de la Saussaye; Confucianism; phenomenology; philosophy of religion; history of religion; religious studies.

Введение. Начиная с 1850-х годов в пространстве мировой гуманитаристики религию как предмет своих исследовательских изысканий воспринимали представители филологии, социологии, истории, философии, этнографии, тем самым на определённом этапе породив конкретные направления в рамках религиоведения: социологию религии, историю религии, философию религии и т. д. Достаточно рано в структуре науки о религии выделяется в относительно автономное направление феноменология религии, давшая религиоведению плеяду ярких своих представителей: Г. ван дер Леува, К. Тиле, Н. Зёдерблома, Р. Отто и др. Однако особое внимание приковывает к себе один из первых феноменологов религии — П. Д. Шантепи де ла Соссе (1848—1920), и не только потому, что он являлся первым введшим, «почти случайно» (А. Молендйика), конструктом «феноменологии религии», но и как автор фундаментальной работы по истории религии, долго не терявшей своей актуальности. Наследие учёного до сих пор активно изучается философами и религиоведами (М. М. Шахнович, Т. С. Самарина, А. П. Забияко и др.), которые анализируют и его роль в становлении феноменологии религии, и отдельные элементы его методологических подходов к изучению религии.

Основная часть. П. Д. Шантепи де ла Соссе получил прекрасное на то время философское и теологическое образование в Утрехте, где защитил докторскую диссертацию и стал пастором Голландской реформаторской церкви. Стажировался в Боннском и Тюбингенском университетах, потом работал профессором в университетах Амстердама и Лейдена. Показательно, что несмотря на то, что он был представителем теологического крыла в исследовании религии, выступал за разделение религиоведения и теологии. В своей работе он пишет: «...общая наука о религии и наука о христианской религии идут каждая своим путем и преследуют каждая свою собственную задачу. Конечно, они должны оказывать одна другой взаимное содействие. В особенности для богословов занятия наукой о религиях имеют важное значение» [1, с. 16]. Эта позиция свидетельствует о высоком методологическом уровне мыслителя как исследователя, учёного и философа.

Профессор М. М. Шахнович, хронологически структурируя феноменологию, отмечает, что первый этап можно обозначить как «описательная феноменология религии»: «В своей ранней форме

феноменология религии была лишь более или менее систематизирующей формой истории религии, видом межкультурного сравнения конституирующих элементов религиозной веры и практики». К этой ранней форме профессор относит и работы П. Д. Шантепи де ла Соссе [2, с. 414—415]. Известный российский методолог А. Н. Красников помещает фигуру Соссе в выделенный им период «доклассической феноменологии религии» [3, с. 155]. Так или иначе, следует зафиксировать: П. Д. Шантепи де ла Соссе стоял у истоков феноменологического подхода к изучению религии. Д. Аллен утверждал, что в подходах Соссе «феноменология религии обозначает сравнительное религиоведение и классификацию различных типов религиозных явлений» [3, с. 155]. Интересно, что элементы компаративного религиоведения были уже в работах «отца китайской историографии» Сыма Цянь (II—I века до н. э.), сравнивавшего различные религиозные представления соседей.

Почти все ученые-религиоведы сходятся в том, что на формирование и развитие феноменологии религии оказали огромное влияние в основном И. Кант (оппозиция «феномен—ноумен», где феномен — от *φαινόμενον* являющееся), а позже Э. Гуссерль, развертывающий категорию феноменальности через интенциональность сознания, но первым феноменологом религии всё же признается именно П. Д. Шантепи де ла Соссе. Как полагал последний, феноменология религии — это промежуточный акт исследования между историческим и философским. Так, А. П. Забияко отмечает: «П. Д. Шантепи де ла Соссе использовал понятие “феноменология религии” для обозначения стадии исследования, переходной от истории к философии религии, вменив ей задачи обобщения, сравнения и группирования различных религиозных явлений» [4, с. 115].

П. Д. Шантепи де ла Соссе так понимал соотношение в треугольнике «история религии — философия религии — феноменология религии»: «...философия стала бы пустой и бессодержательной, если бы при теоретическом определении идеи религии она оставляла в стороне имеющийся налицо фактический материал; точно так же и история не может обойтись без содействия философии, так как не только для распределения и критического рассмотрения религиозных явлений, но даже для уяснения того, относится ли данное явление по своей природе к числу религиоз-

ных, требуется известное, хотя бы предварительное, представление о сущности религии... Сопоставление и группировка различных религиозных явлений (религиозная феноменология) образует переход от истории религий к философии религии. Последняя рассматривает религию с ее субъективной и объективной стороны, следовательно, заключает в себе психологическую и метафизическую часть» [1, с. 15—16].

По словам самого Соссе, он следовал за И. Кантом, Ф. Шлеермахером, но больше всего за Гегелем, хотя признавал и тот факт, что феноменология тяготеет в определённой степени еще и к психологии. Это влияние Гегеля видно уже с первых страниц издания «Иллюстрированная История религий» Шантепи де ла Соссе, именно с классификации религий Гегеля начинается его работу [1, с. 20—21]. Как скрупулёзный ученый Соссе будет приводить классификацию Н. фон Гартмана, К. Тиле, Г. Зибекка, но базовой будет все-таки гегелевская. Учёный, отмечая заслуги Гегеля, пишет, что тот «первый выполнил великую задачу изобразить в их взаимной связи все стороны религиозной проблемы (метафизическую, психологическую и историческую) и выставить на вид совпадение понятия о религии с ее проявлениями» [1, с. 13]. Сама феноменологическая идея описана Соссе следующим образом: «Первую всеобъемлющую попытку организовать основные группы религиозных проявлений (*Erscheinungen*), не объясняя их доктринальным единообразием, упорядочивая их таким образом, чтобы основные стороны и точки зрения были самоочевидны из самого материала» [5, с. 55].

Самой фундаментальной работой П. Д. Шантепи де ла Соссе является известный двухтомник «Учебник по религиозной истории» («*Lehrbuch der Religionsgeschichte*», 1887), этот замечательный труд был по достоинству оценен в интеллектуальных кругах Европы и выдержал четыре переиздания [6, с. 69]. Следует сказать, что еще в 1883 году он опубликовал «Четыре эссе» о духовных лидерах, где были Конфуций и Лао-Цзы. Однако известность принес именно двухтомник, который, как известно, в первом издании Соссе пишет единолично, но уже ко второму изданию постепенно подключает своих коллег [7]. Сам автор истории религии указывал, что его двухтомник в его же вышеизложенной конструкции «история—философия—феноменология» «имеет в виду

только историческую половину этой схемы» [1, с. 13]. Были свидетельства, что он вынашивал планы издания тома, посвященного именно феноменологическому исследованию религии, но не успел это осуществить. При этом трудно не согласиться с профессором А. П. Забияко, что выделение феноменологического акта как автономного лишь условно-методологическое, поскольку любой историк, начиная свой нарратив, уже исходит из построения определенной концептуальной структуры, в рамках которой разворачивает фактологический материал [4].

Крупный российский китаевед, характеризуя специфику древнекитайской культуры в целом, отмечает особенность китайской философско-религиозной традиции даже в соотношении с другими восточными традициями, например индийской. Учёный пишет: «Социальная этика и административная практика, ритуальный церемониал (прежде всего в честь Неба) и культ предков здесь всегда играли значительно большую роль, нежели мистические абстракции и индивидуалистические поиски спасения» [8, с. 548]. При этом часто конфуцианство называют не столько религией, сколько философско-этическим учением, в чём есть определенная доля истины. Так, религиовед Е. А. Торчинов прямо пишет: «Конфуцианство вряд ли может считаться религией. В настоящее время большинство специалистов согласно между собой в том, что конфуцианство — не религия, а этико-политическое учение. Древнекитайский язык, как таковой, не знал слова “религия”, в котором оно, в свою очередь, было искусственно создано в конце XIX века для передачи понятия “религия” при переводе с европейских языков. Китайское же “цзяо” означает только учение, независимо от того, является ли данное учение религиозным или же нет» [9, с. 5].

Итак, важно отметить, под каким углом предлагает рассмотреть П. Д. Шантепи де ла Соссе древние китайские учения конфуцианства и даосизма. Первое, что обращает внимание, это представленные в указанной работе классификаторы религий. Китайские религии в гегелевской системе упоминаются как религии природы, религии субстанции: религия меры, куда философ помещает раздел «Китай», не конкретизируя направлений. По К. Тиле, наряду с другими типами религий выделяются этические религии (спиритуалистически-этические религии откровения),

в структуру которых он включает национальные номистические (номотетические), куда относит конфуцианство [1, с. 21—22].

Раздел «Китай» Соссе помещает первым же структурным элементом после примитивных религиозных традиций древности, отмечая, что эта часть работы «просмотрена доктором Эдм. Буклеем в Чикаго» [1, с. 58], что говорит об участии указанного исследователя в подготовке данной главы. Автор в первых параграфах уделяет большое внимание классическим текстам: «5 книг Цзин и 4 книги Шу» [1, с. 58]. Примечательно, что автор поддает сомнению аутентичность «философской космогонии, основанной на идее о взаимодействии двух принципов — мужского и женского, неба и земли, Инь и Янь», полагая, что эти идеи являются позднейшей вставкой. Также справедливо обращается внимание на такой важнейшей категории конфуцианства, как «Ли», отмечается его полисемантическая: «Его передают словами: обряд, церемония; означает оно полную совокупность всех правил приличия и охватывает, таким образом, социальные, религиозные и домашние обязанности и обычаи, правила благопристойности и хорошего поведения» [1, с. 61].

Для Соссе важно упомянуть, что конфуцианству, как и даосизму («происхождение которого также коренится в древности») предшествовали древние верования Китая. И хоть для исследователя тонкости этих верований не совсем очевидны, за неимением аутентичных источников, однако, он отмечает, что суть их состояла «в почитании Тянь — Неба, Шань-ди — Первого Государя и различных духов (Шань)». При этом указывается, что данные культуры ни в коем случае не элементы почитания Бога (хотя «Тянь» назван «бог Неба»), «религия эта все еще стоит на уровне почитания духов и веры в волшебство», факт распространенности «гадания и прорицания» свидетельствовал о низком уровне религиозности [1, с. 63—64].

Биографическим данным Конфуция и особенностям его учения посвящен отдельный параграф («Жизнь и учение Конфуция»). П. Д. Шантепи де ла Соссе фиксирует, что звали основателя конфуцианства Кон-цзы, а Кон-фуцзы называет «неправильным». При этом для исследователя важна научная чистота биографии Кон-цзы, поэтому он указывает, что следует «опустить бесчисленные анекдоты и изречения китайских источников» [1, с. 67]. Соссе указывает, что

жизнь Кон-цзы проходила в период социокультурных трансформаций и политической турбулентности, но также отмечает, что затрудняется однозначно утверждать «было ли это время ознаменовано общественной распущенностью и ожесточением нравов, как на то намекают некоторые жалобы Кон-цзы...» [1, с. 68].

Любопытным является то, что П. Д. Шантепи де ла Соссе пишет о встрече Кон-цзы с «престарелым мудрецом» Лао-цзы как об историческом факте. Об этой встрече хоть и пишет в своих работах авторитетный историк Сыма Цянь, однако многими еще в средневековье этот факт встречи категорически отрицался [10, с. 69—79]. При этом Соссе пишет о том, что между учением Кон-цзы и Лао-цзы «столько же сходства, сколько и различия». В качестве примера сходства религиовед приводит категорию «Дао», которая присутствует в структуре конфуцианства, «хотя оно здесь не представляет того всеобъемлющего разнохарактерного понятия, как у Лао-цзы» [1, с. 75].

Философ также отмечает политическую и гражданскую активность Кон-цзы, но для него это было обременительным служением, больше его занимает учительство, правда, отмечается, что не известно, были ли ученики «постоянные или случайные». Также важным для мыслителя было указать на то, что после 70 лет китайский учитель отходит от публичных дел и «последние годы жизни он посвятил науке» [1, с. 69—70]. Соссе резюмирует: «...его личность является слишком уравновешенной, все поступки его слишком рассчитаны: общее добродушие его лишь единственный раз переходит в чувство сердечной симпатии; гуманность его чересчур стеснена правилами и формами». Мыслитель не совсем понимает, почему в Лунь Юй так много внимания уделяется мелочам, касающимся поведения самого Кон-цзы. Также Соссе отмечает, что виден какой-то внутренний конфликт в самой личности китайского мудреца: «Его суждение о самом себе колеблется между смирением и самовозвеличиванием» [1, с. 70].

Для Шантепи де ла Соссе не стоит вопрос религиозности учения Кон-цзы, китайский учитель однозначно фиксирует свое положительное «отношение к религии и верованиям», это и «большое участие» в культе, «жертвоприношениях», посещение культовых мест, «требовал пунктуального исполнения 300 обрядов»,

требовал «приносить жертву» духам, «как если бы они находились среди молящихся, и был вообще необыкновенно точным исполнителем всех обрядов». А самое главное в его философско-этическом учении то, что мораль «покоится на метафизических основах» и пропитана религиозными элементами: «Она всецело подчинена велению Неба и подкреплена примером давно умерших мудрецов». Все это, полагает Соссе, свидетельствует, что его учение является определенно религиозным [1, с. 70—71]. Мало того, он напоминает, что и в его время конфуцианство «можно назвать официальной религией» [1, с. 82].

Отдельно останавливается нидерландский религиовед и на конфуцианском варианте так называемого «золотого правила» этики. Он обращает внимание на специфичность уже самой формулировки: «Не делай другому того, чего ты не желаешь себе». Соссе говорит, что «эта идея» хоть и выражена в текстах конфуцианства в четырёх различных вариантах и «представлена всего лишь в отрицательной форме», однако важным для себя считает то, что потенциально «в ней коренится залог перехода к более идеальной, положительной форме этой идеи» [1, с. 71].

Несколько странным для Соссе является статус женщины в учении Кон-цзы. С одной стороны, от нее требуется «беспрекословное повиновение», «строжайшее соблюдение супружеской верности» (при том что для мужчины допускалось многоженство), однако «ей начинают оказывать некоторое уважение», она «получает право на сыновнее почтение», только когда становится матерью [1, с. 72].

Очевидно, имея в виду специфику модели отношений основателя христианства с его апостолами, Соссе описывает особенности отношений Кон-цзы со своими учениками. Религиовед фиксирует, что ученики китайского мудреца «не составляли особенного кружка». При этом отмечает, что «люди посредственных способностей и умеренного направления, сторонники золотой середины не могли быть, конечно, его последователями», это были «высоко одаренные, пылкие натуры, горячо жаждущие истины, или разумные люди, ищущие блага и понимающие, что следует избегать зла» [1, с. 72].

Коротко резюмируя деятельность китайского мыслителя, Соссе пишет, что влияние Кон-цзы на китайскую цивилизацию трудно переоценить: «Своим собранием священного писания, учением своим и примером он тесно связал между собой религию и научное образование и званию ученого придал то высокое значение, которое до сих пор присуще ему во всех китайских государствах». А сам статус Кон-цзы имел тенденции к постоянному повышению: от «государя», «совершенного мудреца», «владыки без трона» до полубожествления с посвященными ему храмами с жертвами и молитвой [1, с. 72]. Соссе обращает внимание, что Кон-цзы стал для китайской цивилизации знаковой и символической фигурой, приобретшей идеологический статус и выполняющий интегративную функцию как на уровне государственном, так и на общественном.

Заключение. П. Д. Шантепи де ла Соссе, рассматривая конфуцианство в своей историко-религиоведческой работе, исходил прежде всего из историко-методологических предпосылок, интегрируя Конфуция и его учение в общую канву древнекитайской истории, политическую, социальную, экономическую и культурную её составляющую. При этом в методологических подходах присутствуют и элементы феноменологического метода, хотя и в несколько скрытом и поверхностном его проявлении: акцент на базовых религиозно-сакральных категориях — жертва, «Небо», поклонение, молитва. Акцент нидерландского религиоведа на всех этих феноменах, попытка отрефлексировать их, показать иерофантическую их наполненность — всё это свидетельствует о том, что для Соссе конфуцианство, как явление древнекитайской (и даже современной его времени) культуры, не столько система философско-этических норм, сколько полноценная, хоть и со своей спецификой, религиозная традиция.

Список цитируемых источников

1. *Шантепи де ля Соссей, П. Д.* Иллюстрированная история религий : в 2 т. / П. Д. Шантепи де ля Соссей. — 2-е изд. — М. : Изд. отд-е Спасо-Преображ. Валаам. Ставропиг. монастыря, 1992. — Т. 1. — 416 с.

2. Религиоведение : учеб. пособие / под ред. М. М. Шахнович. — СПб. : Питер, 2006. — 430 с.
3. *Забияко, А. П.* Феноменология религии (статья первая) / А. П. Забияко // Религиоведение. — 2010. — № 4. — С. 152—164.
4. *Забияко, А. П.* Феноменология религии (статья вторая) / А. П. Забияко // Религиоведение. — 2011. — № 1. — С. 114—126.
5. *Самарина, Т. С.* Феноменология, ноуменология, постфеноменология религии / Т. С. Самарина. — М. : ИФ РАН, 2019. — 296 с.
6. *Самарина, Т. С.* Феноменология религии П. Д. Шантепи де ля Соссе и К. Тиле: от теологии к религиоведению / Т. С. Самарина // Богосл. вестн. — 2019. — № 1. — Т. 32. — С. 67—79.
7. *Барашков, В. В.* Пьер Даниель Шантепи де ла Соссе [Электронный ресурс] / В. В. Барашков // Классики мирового религиоведения. — Режим доступа: https://religious-studies.fzgw.info/шантепи_де_ла_соссе. — Дата доступа: 05.03.2021.
8. *Васильев, Л. С.* История религий Востока / Л. С. Васильев. — М. : Университет, 2006. — 704 с.
9. Религии Китая : хрестоматия / ред.-сост. Е. А. Торчинов. — СПб. : Евразия, 2001. — 508 с.
10. *Маслов, А. А.* Конфуций: прогулки с мудрецом / А. А. Маслов. — Ростов н/д : Феникс ; Краснодар : Неоглори, 2009. — 342 с.

УДК 641.5(476+510)

В. С. Кирикова¹, Ю. В. Пашкевич²

*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь, ¹kirikovavladislava@gmail.com ,
²yulya-pashkevich.00@mail.ru*

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ: ВЗАИМНАЯ ПОЛЬЗА И РАЗВИТИЕ

В статье рассматривается вопрос о важности здоровьесберегающей деятельности для успешной и плодотворной учебной деятельности студентов учреждения образования «Барановичский государственный университет». Было проведено анкетирование, целью которого было выявить, придерживаются ли студенты основных правил здорового образа жизни. Также в статье рассматриваются различия в культуре питания Беларуси и Китая.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; рациональное питание; культура питания; проблема питания; здоровьесберегающая деятельность.